

**Упоров Иван Владимирович**

доктор исторических наук,  
кандидат юридических наук, профессор,  
профессор кафедры конституционного  
и административного права  
Краснодарского университета МВД России

**УСТЬ-УСИНСКОЕ (КОМИ АССР)  
ВОССТАНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ  
В 1942 ГОДУ**

**Аннотация:**

*В статье исследуются социально-политические аспекты восстания заключенных, которое имело место в Усть-Усе (Коми АССР) в начале 1942 г. в одном из северных лагерей. Это было первое организованное вооруженное выступление заключенных в системе ГУЛАГа, замысел и попытка реализации которого были обусловлены прежде всего военным фактором. Дается характеристика главных организаторов этого массового преступления (Ретюнина, Makeeva и др.). Показываются причины, по которым оно изначально было обречено на провал. Обосновывается авторская позиция, согласно которой участников Усть-Усинского восстания нет оснований считать борцами с тоталитарным режимом, как это представляется в некоторых публикациях. Вместе с тем это не означает, что в лагерях ГУЛАГа не нарушались права и свободы заключенных, однако цель поиска истины не предполагает окрасивания столь сложного периода советской истории только в черные тона.*

**Ключевые слова:**

*восстание, Усть-Уса, ГУЛАГ, лагерь, Ретюнин, заключенные, военный фактор, преступление.*

**Uporov Ivan Vladimirovich**

D.Phil. in History, PhD in Law, Professor,  
Professor, Constitutional  
and Administrative Law Department,  
Krasnodar University of the Ministry  
of Internal Affairs of Russia

**UPRISING OF PRISONERS IN UST-USA  
(KOMI AUTONOMOUS SOVIET  
SOCIALIST REPUBLIC) IN 1942**

**Summary:**

*The present study examines the socio-political aspects of the uprising of prisoners, which took place in Ust-Usa (Komi Autonomous Soviet Socialist Republic) in early 1942 in one of the northern camps. This was the first organized armed demonstration of prisoners in the GULAG system. The idea and attempt to implement it were determined primarily by the military factor. The study provides characteristic of the main organizers of this mass crime (Retyunin, Makeev, etc.). It shows the reasons why the uprising was initially destined for failure. There is substantiated the author's position, according to which there is no reason to consider the participants of the Ust-Usa Uprising as fighters against the totalitarian regime, as it is presented in some publications. At the same time, this does not mean that GULAG did not violate the rights and freedoms of prisoners. However, the goal of the search for truth does not imply only demonizing such a tough time of the Soviet history.*

**Keywords:**

*uprising, Ust-Usa, GULAG (Main Directorate of Camps and Places of Incarceration), camp, Retyunin, prisoners, military factor, crime.*

Длительное время тема ГУЛАГа в нашей стране оставалась закрытой. Ситуация стала меняться в годы горбачевской «перестройки», когда с провозглашением курса на гласность в конце 1980-х гг. для историков были открыты многие архивы, в печати появились известные и ранее запретные произведения А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и других бывших политзаключенных, а после распада СССР (1991 г.) не осталось препятствий для исследования столь сложной и болезненной для российского общества темы, связанной с деятельностью исправительно-трудовых лагерей (далее – ИТЛ) в 1920-е – первой половине 1950-х гг. Однако еще многие вопросы нуждаются в дополнительном осмыслении, и в данном случае речь идет о восстаниях заключенных в ИТЛ. Подобная проблематика находит определенное освещение в исторической литературе, различные ее аспекты отражены, в частности, в работах Н.А. Беловой, А.В. Дашина, Э.В. Зауторовой, Г.М. Ивановой, А.А. Игнаткова, С.И. Кузьмина, М.И. Перлика, П.Р. Родионова, А.И. Сидоркина, А.С. Смыкалина, О.Н. Стариковой, Н.В. Упадышева и др., но в целом она остается мало изученной. При этом, как правило, основное внимание уделяется наиболее масштабным массовым восстаниям заключенных (Красноярскому – в 1951 г., Норильскому – в 1953 г., Воркутинскому – в том же 1953 г., Кенгирскому – в 1954 г.) уже на исходе ГУЛАГовского периода. Между тем в годы Великой Отечественной войны имело место Усть-Усинское (Коми АССР) восстание заключенных, специфика которого была обусловлена военным периодом. К настоящему времени об этом событии опубликован ряд документов, извлеченных из Национального архива Республики Коми и некоторых других архивов и систематизированных М.Г. Рогачевым [1, с. 165–209]. Эти документы, бесспорно, представляют историческую ценность, и мы используем их в своей работе. Вместе с тем восстание заключенных на Усе с точки зрения его осмысления в научном плане изучено явно не-

достаточно и, например, в некоторых работах, в том числе в указанном сборнике документов (расположены под рубрикой «Несломленные») в одном из комментариев представляется в положительной коннотации – как акт протеста против тоталитарного государства, в то время как, на наш взгляд, ситуация выглядит иначе, о чем ниже будет сказано подробнее. В целом же по этой теме пока преобладают работы публицистического характера.

Усть-Уса представляла собой населенный пункт на северной реке Уса при ее впадении в Печору – административный центр Усинского района Коми АССР, где местные жители занимались рыболовным и охотничьим промыслами, трудились на консервном заводе, в различных других организациях (управление пароходства, аэродром, районные учреждения). Еще в довоенное время близ Усть-Усы (около 6 км) было решено разместить один из лагерных пунктов («Лесорейд») Воркутинского управления лагерей (Воркутлага) – одного из крупнейших в системе ГУЛАГа [2, л. 1–2], которое занималось строительством Печорской железной дороги (участок «Котлас – Воркута»). Усть-Усинский лагерный пункт являлся своеобразным перевалочным узлом при этапировании осужденных во время строительства железной дороги, кроме того, обслуживающие этот сравнительно небольшой лагпункт заключенные привлекались к лесозаготовкам; по сведениям на начало декабря 1941 г., там находилось чуть больше двухсот заключенных, из которых половина была осуждена по ст. 58 УК РСФСР (за «контрреволюционные» преступления).

При анализе возникших в январе 1942 г. массовых неповиновений заключенных в Усть-Усе прежде всего необходимо обратить внимание на время, в которое произошли эти драматические события, – это были критические месяцы Великой Отечественной войны, и данный фактор во многом был определяющим для вооруженного выступления заключенных, которое началось 24 января 1942 г. Но уже 2 февраля пытавшаяся скрыться в тайге банда заключенных была в своей основе ликвидирована, а ее остатки обнаружены и обезврежены 4 марта. О значимости этого события может свидетельствовать тот факт, что в системе ГУЛАГа организованное вооруженное выступление заключенных произошло впервые, подробные сведения о нем заместитель наркома внутренних дел Коми АССР В.А. Симаков, непосредственно руководивший операцией по подавлению вооруженного восстания заключенных, излагал в специальной докладной записке на имя наркома Л.П. Берии [3].

Восстание было спланировано и осуществлялось под руководством М.А. Ретюнина. Главным его помощником был А.Т. Макеев и прежде всего – в выработке тактики повстанцев и последующей реализации намеченного (мы не считаем термин «повстанцы» корректным для данного случая, однако он используется в официальных документах, в связи с чем мы также сочли необходимым от него не отказываться). Судьбы этих двух неординарных людей, решивших растратить свой значительный жизненный потенциал на преступные деяния, как нам представляется, во многом отражают внутреннюю социально-политическую ситуацию в СССР тех лет.

Ретюнин родился в крестьянской семье в Архангельской губернии в 1908 г. В 1929 г. за участие в бандитском нападении на банк он получил 13 лет лишения свободы, был досрочно освобожден за высокие производственные успехи на воркутинских шахтах, где бригадирствовал, остался работать в качестве вольнонаемного, проявил себя как грамотный и решительный руководитель среднего звена, способный «делать план». На Усе возглавлял сначала небольшой лесозаготовительный участок, а на момент восстания являлся начальником лагпункта «Лесорейд», в конторе которого происходило обсуждение всех деталей восстания. В политических делах замечен не был. Назначение бывшего бандита на столь ответственный пост говорит о доверии к нему со стороны руководства Воркутлага (при этом совершенно очевидно, что такое назначение было вынужденным ввиду тотального отсутствия профессиональных кадров из числа свободных граждан, подобная практика была довольно распространенной во всем ГУЛАГе). Как начальник лагпункта, он имел большое влияние на отряд военизированной охраны (ВОХР), то есть на тех, кто собственно и должен был охранять заключенных (это обстоятельство сыграло в восстании свою роковую роль). Яркую характеристику Ретюнину как человеку дает бывший заключенный, позже ставший крупным ученым-экономистом, В.В. Зубчанинов: «Походкой он напоминал медведя, рыжая лохматая голова была у него немного наклонена вперед, и глазки смотрели тоже по-медвежьи. Но это был романтик. В его избушке, стоявшей на высоких сваях, лежал томик Шекспира. Когда я взялся за него и раскрыл, Ретюнин сказал: “Вот был человек!” – и наизусть стал декламировать: “Для тех, кто пал на низшую ступень, Открыт подъём, им некуда уж падать. Опасности таятся на верхах, А мы внизу живём в надежде!.. Понимаешь? Живём в надежде, открыт подъём! Это не всякому червяку даётся”» [4, с. 73]. В своей избушке Ретюнин проживал с неграмотной местной жительницей, с которой вряд ли собирался связывать свое будущее, скорее это была потребность в женщине и хозяйке (она также была арестована, но затем дело в отношении нее было прекращено).

Макеев, 1902 г.р., был человеком другого калибра – в Гражданскую войну воевал с белофиннами, занимался коллективизацией на родной Псковщине. Как государственный и партийный

деятель, он занимал ответственные посты во Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов (ВЦСПС), отсюда был направлен поднимать лесопромышленный комплекс в Архангельске, Котласе, Сыктывкаре. Это был «классический» строитель социализма – выходец из семьи трудящихся, который воевал за советскую власть, смог своим трудом добиться немалых карьерных высот и все свои силы отдавал делу партии Ленина – Сталина. До 1938 г. он возглавлял крупнейший трест «Комилес», состоял членом бюро Коми областного комитета ВКП (б). В столице Коми АССР вместе с первым секретарем обкома партии был арестован как участник правотроцкистской организации, первоначальный приговор к расстрелу был заменен на 15 лет лишения свободы. На момент восстания являлся заведующим лесобиржей.

Сильный и волевой организатор Ретюнин и хорошо разбиравшийся в военно-политических делах Макеев сошлись во мнении о том, что в создавшейся ситуации их судьба, имея в виду прошлые дела, весьма предсказуема – расстрел как неблагонадежных ввиду чрезвычайных военных обстоятельств. Полагать так основания имелись. Так, с началом военных действий был ужесточен режим содержания заключенных в местах лишения свободы, предписывалось «прекратить освобождение контрреволюционеров, бандитов и других опасных преступников», устанавливался 10–12-часовой рабочий день, отменялись выходные, повышались трудовые нормы – согласно Директиве НКВД СССР и Прокурора СССР от 22 июня 1941 г. [5] (описание этого акта дается в работе А.И. Сидоркина [6]). Среди заключенных распространялись слухи о том, что стремительное наступление немецко-фашистских войск вынудит советскую власть расстреливать заключенных. Еще свежа была память об известных «кашкетинских» и «гаранинских» массовых и жестоких расстрелах в Коми АССР и на Колыме в 1937–1938 гг. (их название произошло от фамилий лагерных начальников – Кашкетина и Гаранина, руководивших исполнением смертных приговоров «троек» в отношении заключенных-троцкистов и других оппозиционеров советской власти; оба в 1939 г. сами будут репрессированы, что дало основание власти говорить о расстрелах как вредительстве [7, с. 54]). В этом смысле характерно состоящее из нескольких пунктов донесение агента-осведомителя из числа заключенных (псевдоним «Инженер»): «а) в ноябре – январе 1941–1942 гг. на “Рейде” антисоветская агитация была буквально легализована; б) почти весь состав лагпункта лихорадило из-за упорно и настойчиво распространявшихся слухов о предстоящих расстрелах заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления. Источниками этих слухов являлись заключенные Соломин, Зверев, Дунаев, Макеев и вольнонаемный Ретюнин; в) в разговоре со мной Ретюнин высказывал сожаление, что я, долго просидевший в заключении, так и не увижу жизни, так как меня неизбежно расстреляют» [8, с. 194–195]. Указывалось также на то, что Ретюнин об этом «знает твердо» от ответственных людей в Воркуте. Осведомитель сообщал также о следующих словах Ретюнина: «А чего мы теряем, если нас и поубьют? Какая разница, что мы подохнем завтра или помрем сегодня, как восставшие... Я знаю, что нас всех хотят погубить голодной смертью. Вот увидите, скоро в лагерях один другого будет убивать, а до этого существующая сейчас власть всех заключенных по контрреволюционным статьям перестреляет, в том числе и нас – задержанных вольнонаемных» [9, с. 194]. Впрочем, это донесение, в котором ясно говорится о готовящемся восстании и которое, с большой долей вероятности, могло его предотвратить, так и не было реализовано ввиду, как указывается в докладной записке, безобразно плохо налаженной оперативной работы, чему в записке уделено значительное внимание в духе бюрократических попыток сваливания вины за допущенные упущения друг на друга (например, по вопросу о том, как это вдруг ставший «злейшим врагом советской власти Ретюнин» был назначен на должность начальника лагпункта и кто принимал такое решение?).

Как следует из опубликованных материалов, именно на этой почве у Ретюнина еще в сентябре – октябре 1941 г. созрело решение исчезнуть из Усть-Усы, и он начал исподволь готовить удобный момент. При обсуждении этого вопроса с Макеевым, с которым они сблизились, последний предложил свое содействие и убедил Ретюнина в том, что просто «исчезнуть» не получится, но вот если использовать должностные возможности и найти сторонников, то можно организовать восстание. А найти их нетрудно, так как многие заключенные захотят присоединиться к мятежникам ввиду разных причин. Благо в Коми АССР много мест лишения свободы, и можно попытаться наладить свою дальнейшую жизнь.

К непосредственной и осознанной подготовке вооруженного выступления были привлечены не более 15 человек, в том числе вошедшие в его «штаб» опытные офицеры-«троцкисты» И.М. Зверев (заключенный, работал завхозом) и М.В. Дунаев (заключенный, прораб), а также бывший уголовник-бандит А.И. Яшкин (вольнонаемный, заместитель начальника лагпункта, то есть Ретюнина); позже в «штаб» восстания вошли еще несколько «политических» заключенных (В.Е. Соломин, С.А. Простаков и др.). В результате обсуждения предстоящего бунта было решено сначала освободить всех заключенных «Лесорейда», выйти в Усть-Усу, захватить ее, парализовав местную власть, после чего, получив поддержку численно и добыв оружие, двинуться двумя

отрядами – на Воркуту и на Котлас, где располагались лагеря, освобождать по мере продвижения всех заключенных и в итоге предъявить ультиматум властям. По мнению Макеева, восставших должны были поддержать не только заключенные, но и местные жители, а также спецпоселенцы. Речь шла также о том, чтобы связаться с немецко-фашистскими представителями, чтобы уйти за границу в Финляндию. С другой стороны, обсуждался противоположный вариант действий: создав вооруженную бригаду, прорваться на фронт и в боях за Родину против фашистов заслужить прощение за совершенные преступления.

Здесь нужно сделать оговорку о том, что приведенные сведения, как мы отметили, были взяты из официальных документов. Письменных планов, схем, списков, чертежей и т. д. организаторы восстания, разумеется, не оставили. Как отмечает А. Север, описывая Усть-Усинские события, «никакие политические программные документы восставших не известны» [10, с. 214]. И все, что повстанцы якобы намеревались делать, известно только по трактовке официального расследования, закрепленной в соответствующих актах одной стороны – НКВД СССР. Рассчитывать на то, что в них изложено истинное положение дел в полном объеме, не приходится, поскольку, во-первых, это было невозможно объективно (ввиду, прежде всего, смерти многих участников восстания во время его подавления), и, во-вторых, спецслужбы часто практиковали наложение на события в рамках расследуемого дела удобных для них сюжетных направлений, проще говоря произошедшее излагалось в нужном для следствия ключе (это наблюдалось, в частности, и в деятельности политической полиции Российской империи). Поэтому правды уже никогда не узнать. И по поводу тех же намерений восставших можно только предполагать с большей или меньшей степенью достоверности, в чем состояла их конечная цель. Вряд ли, например, у сравнительно небольшой группы заключенных в планах было создание добровольческой армии, роспуск колхозов, восстановление частной собственности и свержение советской власти на территории Коми АССР с вооруженной помощью фашистской Германии и с последующим присоединением территории Коми АССР к той же Германии, как об этом говорил на допросе упомянутый А.И. Яшкин (единственный оставшийся в живых из руководящего ядра восстания) [11, с. 60]. О том, как получали («выбивали») подобные «нужные» показания в тот период советской истории, известно из многих источников.

Но есть факты, которые невозможно скрыть. Было ли вооруженное выступление заключенных? Да, было. Равно как было и то, что Ретюнин, используя должностное положение, выписывал и складировал новые полушубки для ВОХРа в большем, чем нужно, количестве, полевые кухни, консервы и т. д. Подготовка, бесспорно, велась. В назначенный день, 24 января 1942 г., вооруженное выступление началось, инициативная группа насчитывала тридцать человек. Была избрана довольно хитроумная тактика, в частности, Ретюнин распорядился таким образом организовать помывку бойцов ВОХРа в бане, чтобы там одновременно оказалась их большая часть. Пока они мылись, было захвачено оружие (12 винтовок, 4 нагана, патроны), обезоружены оставшиеся бойцы, тогда же пролилась первая кровь – был убит охранник, оказавший сопротивление, и с этого момента действия восставших, как мы полагаем, уже не могут быть характеризованы как «протест против тоталитарного режима». Все заключенные лагпункта были освобождены, и здесь восставших ждало первое разочарование – далеко не все осужденные поддержали идею вооруженного побега, из двухсот заключенных только 79 пошли дальше с Ретюниным. Затем, ближе к вечеру, восставшие в форме (полушубках, валенках и т. д.) под видом лже-ВОХРа, якобы сопровождающего продовольственный обоз, направились в Усть-Усу. Между тем к тому времени одному бойцу ВОХРа удалось вырваться из лагпункта в соседний населенный пункт и сообщить о бунте, и это фактически означало поражение восстания, которое еще только начиналось, – все остальные события лишь оттянули его конец на девять дней.

Мы не ставили перед собой цель описать боестолкновения и все другие перипетии противостояния восставших заключенных и правоохранительных органов в лице различных подразделений НКВД СССР, включая ГУЛАГ, поскольку в литературе они представлены достаточно подробно (и опять же – на основе официальных документов и прежде всего отмеченной выше докладной записки Симакова, содержащей наиболее полное хронологическое описание последовательности всех событий). Отметим лишь, что одно за другим восставшие терпели поражения – они не смогли захватить ни консервный завод, ни управление пароходства, ни аэродром, где их встретили ответным огнем. В райцентре им удалось разве что, выдержав бой в райотделе милиции и убив четырех милиционеров, забрать несколько единиц оружия и освободить из КПЗ содержавшихся там 38 задержанных, из которых только 12 согласились присоединиться к вооруженному восстанию. Каждый день банда заключенных несла потери, и не только в перестрелках, но и по причине «дезертирства» ее членов. Так, из Усть-Усы Ретюнин повел за собой только 41 повстанца. Теперь расчет был на то, чтобы получить поддержку заключенных из других лагерей – в районе Ухты-Усы-Воркуты-Печоры располагалась целая сеть смежных по территории ИТЛ [12, с. 17] (мы полагаем, что на такую поддержку восставшие к тому времени уже не рассчитывали и

пытались просто скрыться где-нибудь в стойбищах оленеводов). По пути следования банда «реквизировала» продукты питания, олени упряжки и подводы, инструменты со складов населенных пунктов, и им не оказывали сопротивления ввиду того, что информация о лже-вохровцах туда еще не дошла. Восставшим удалось также захватить обоз с оружием (18 винтовок, 3 нагана, гранаты, патроны), о маршруте движения которого Ретюнину было известно заранее. Как видно, уже к этому моменту банда совершила множество преступлений разной степени тяжести, и, на наш взгляд, уже тогда бывшие заключенные, и прежде всего организаторы восстания, не могли не понимать, что в случае поимки и суда их неминуемо ждет смертная казнь.

К тому времени первоначально разрозненные и даже отчасти беспорядочные действия правоохранительных органов стали уже более организованными. Однако разработанный план по задержанию восставших заключенных 26 января 1942 г. и уничтожения их в случае сопротивления реализовать не удалось – не были учтены сильные морозы и легкая одежда, в которую оказались экипированы отряды преследования, многие бойцы ВОХРа получили обморожения, да и бандиты сопротивлялись отчаянно. Кроме того, восставшие разбились на группы, пытаясь добраться до «своих» в других ИТЛ, что несколько задерживало преследование. Но исход был уже ясен. 30–31 января основная часть банды была уничтожена, оставшиеся в живых задержаны. 1 февраля пришел черед и группы, где находился Ретюнин – он и его приближенные застрелились. Макеев также был обнаружен мертвым, но не было ясно – он застрелился или был уничтожен во время преследования. Еще некоторое время потребовалось, чтобы найти и задержать оставшихся членов банды.

Так завершилась операция по преследованию и ликвидации «вооруженной повстанческой контрреволюционной группы» – такое определение содержится в утвержденном прокурором Коми АССР обвинительном заключении [13], что позволяет говорить о придании этим событиям политической окраски. В процессе операции было уничтожено 48 бандитов, 6 покончили жизнь самоубийством. Со стороны правоохранителей также были значительные потери: 33 человека убиты и 6 умерли после ранений, 20 человек были ранены, 52 получили обморожения I и II степени [14, с. 181]. Как представляется, такие потери очень высоки и вряд ли в этом случае можно говорить об эффективных действиях органов НКВД СССР, равно как и Коми обкома ВКП (б), руководство которого также принимало участие в операции по подавлению восстания заключенных.

Всего по делу об Усть-Усинском восстании заключенных проходили 68 человек. Помимо непосредственных участников событий были арестованы бухгалтер Панов, врач Крамов-Утемов и ряд других лиц, которые в восстании не участвовали, но, по версии следствия, знали о его подготовке и не сообщили «куда следует». По делу также проходили вольнонаемные начальник и технорук лагпункта Поля-Курья Печорлага Поляков и Доич (оба бывшие заключенные) и начальник подкомандировки Мурмилло. Последними были арестованы «члены кожвинского филиала повстанческой организации» – начальник Кожвинской базы Воркутинского ИТЛ, вольнонаемный из бывших заключенных Степнин, заключенные Алхимович, Бобров, Барыкин и др. То, насколько действительно они имели отношение к Усть-Усинскому восстанию, остается на совести тех, кто проводил следствие. Как отмечает М.Б. Рогачев, «даже и те, кто не участвовал в восстании, стали признавать свою вину и называть новые фамилии участников контрреволюционной организации. Однако были и такие, кто упорно стоял до конца и не признавал себя виновным. Это Доич, Мурмилло, Шаталов, Плечев, Рандвее, Степнин, Бобров, Алхимович и Атаманчук. При этом часть “новооткрытых” заговорщиков даже не арестовали, по крайней мере, по делу о восстании. Возможно, следователи посчитали, что уже “раскрытых” филиалов (иные лагпункты) достаточно для того, чтобы обозначить “разветвленный заговор”. Ведь аресты и допросы новых “заговорщиков” привели бы к появлению других имен. Так следствие могло бы тянуться до бесконечности, а в число “потенциальных повстанцев” могло попасть все “лагерное население” республики» [15, с. 204–205]. И действительно, судя по всему, продолжавшееся полгода следствие было проведено в стиле НКВД, например, была арестована жена Ретюнина за то, что не сообщила органам о готовящемся восстании заключенных, впоследствии, как отмечалось, ее все же освободили. М.Б. Рогачев не без оснований делает также вывод о том, что следствие было проведено недостаточно четко, в деле имеется немало нестыковок, в том числе по численности повстанцев. К этому можно добавить, что такое положение дел было возможным ввиду фактической бесконтрольности деятельности НКВД СССР по стороны Прокуратуры СССР и ее закрытости от общества, тем более что, как в данном случае, окончательный «приговор» выносил не суд, а Особое совещание НКВД СССР, то есть обвиняемые не имели права на защиту.

Следствие было завершено в конце июля 1942 г. В обвинительном заключении было предложено в отношении 49 обвиняемых применить высшую меру наказания, к остальным – лишение свободы от 1 до 10 лет. Все они обвинялись по ст. 58 п. 2 УК РСФСР (вооруженное восстание), ст. 58. п. 11 (участие в контрреволюционной организации), один участник – по ст. 58-12 (недонесение о контрреволюционном преступлении). 16 сентября 1942 г. Особое совещание НКВД СССР

вынесло решение: 50 обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания (прибавился Ю. Доич), остальные были направлены в ИТЛ. В дальнейшем, уже после смерти Сталина, большинство из осужденных, не участвовавших в восстании, были реабилитированы.

Помимо уголовного дела, были приняты меры и служебного характера – в связи с выявленными недостатками в деятельности Воркутлага. Так, в официальном документе, составленном по итогам прошедших событий (докладная записка П.А. Корнилова), прямо указывается, что «это контрреволюционное вооруженное выступление произошло, главным образом, по причинам грубого нарушения руководством лагеря режима содержания заключенных и полного отсутствия агентурно-оперативной работы на лагпункте “Рейд”» [16, с. 183]. Там же перечислялись и другие вопиющие нарушения режима и условий содержания заключенных (которые, впрочем, указывались и ранее, например, в рапорте начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина в мае 1941 г. [17, л. 40–41], но, как видно, ситуация к лучшему не изменилась). Меры реагирования в отношении виновных должностных лиц оказались на удивление мягкими: так, уголовное дело было возбуждено только в отношении оперуполномоченного, который не смог своевременно выявить готовящееся вооруженное восстание заключенных. Остальные отделались взысканиями дисциплинарного характера (понижение в должности, выговоры, предупреждения) – и это при 39 погибших сотрудниках правоохранительных органов! Вызывает также удивление наказание для начальника Воркутлага Л.А. Тарханова – «поставить на вид» при тех последствиях, которые имели место, что по сути означало практически никак не наказывать, учитывая к тому же то обстоятельство, что в декабре 1941 г. он получал директиву о необходимости усилить бдительность в связи с активизацией повстанческих настроений заключенных в ИТЛ. Можно предположить, что здесь сыграл свою роль фактор производственной необходимости, ради чего в ИТЛ часто шли на нарушения режима содержания заключенных. Кроме того, судя по имеющимся материалам, Тарханов имел в НКВД СССР хорошие связи. Нельзя сбрасывать со счетов и очень напряженную военную обстановку, в которой на счету был каждый потенциальный защитник Отечества.

Вместе с тем следует признать оперативными действия руководства НКВД, связанные с событиями в Усть-Усе. Так, 27 января, то есть спустя три дня после начала восстания и еще до окончания операции по его подавлению, появилась подписанная Л.П. Берией директива, в которой содержалось указание немедленно принять меры по предотвращению подобных случаев в других ИТЛ, в том числе «привести охрану лагерей в боевую готовность» [18, л. 102–103].

Особая сложность при оценке Усть-Усинских событий начала 1942 г. состоит еще и в том, что действия повстанцев сопровождалось совершением тяжких преступлений, и виновные должны были понести за них наказание. И в этом контексте мы не можем согласиться с некоторыми оценками вооруженного выступления заключенных, в которых оно трактуется едва ли не как подвиг. Так, Д.М. Панин, говоря об участниках восстания и имея в виду жестокие, на его взгляд, условия содержания в ИТЛ, пишет: «Я называю их героями, ибо они доказали, что человек не может быть превращен в скотину, с которой расправляются, как хотят; нельзя уничтожать безоружных людей; нужно давать отпор людоедам и создать международное объединение против носителей зла, находящихся в состоянии преступной активности» [19, с. 142]. Несколько позже С.Л. Макеев отмечал: «И все же восстание не было напрасным. Возможно, благодаря этому отчаянному шагу к свободе не состоялись массовые расправы. В монолитной системе ГУЛАГа появилась первая, пусть маленькая, но трещина» [20]. Были и другие подобные публикации об Усть-Усинском восстании [21]. Мы полагаем, что это все же односторонняя оценка, не учитывающая, что «свобода, добытая ценой жизни невинных людей, не может быть окрашена в героические тона» [22, с. 202]. Нарушения прав человека в ГУЛАГе, бесспорно, имели место, но это не значит, что вся история ГУЛАГа должна быть представлена только в негативном свете, и подтверждением тому является тот факт, что абсолютное большинство заключенных в Усть-Усе, имевших выбор, отказались от заведомого массового и тяжкого преступления в сложнейшее для страны военное время. А те, кто решился на восстание, были движимы, скорее, не идеей протеста против сталинского режима, а стремлением сохранить свою жизнь. В этой связи, как представляется, важно спокойно, взвешенно, максимально объективно исследовать разные аспекты рассматриваемых событий, чтобы лучше понять, почему тот же романтик, поклонник шекспировских пьес, жизнелюб, выходец из крестьянской семьи Ретюнин, как и его сторонники, оказался по другую сторону от общества, народа, государства, закона; почему заключенные решились творить злодеяния, идя навстречу своей гибели, и какие просчеты допускала власть, чьи действия и решения не позволили направить потенциальную энергию этих людей на общественное благо. Мы полагаем также, что из Усть-Усинских событий следует извлекать уроки и в настоящее время в контексте взаимодействия власти и общества с целью недопущения необратимых разрушительных последствий.

## Ссылки:

1. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. В 13 т. Т. 7 / сост. и комментарии: М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2005. 639 с.
2. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1–2.
3. Докладная записка заместителя наркома внутренних дел Коми АССР В.А. Симакова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии от 12.02.1942 г. «Об итогах ликвидации вооруженной банды на Печоре» // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. В 13 т. Т. 7 / сост. и комментарии: М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2005. С. 166–174.
4. Зубчанинов В.В. Увиденное и пережитое. М., 1995. 159 с.
5. Приказ НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 22.06. 1941 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 158–159.
6. Сидоркин А.И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930–1950-е гг. // Lex Russica. 2015. № 5. С. 99–110.
7. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2 ч. Ч. 1. М., 1991. 262 с.
8. Докладная записка заместителя наркома внутренних дел Коми АССР П.А. Корнилова на имя наркома внутренних дел республики С.И. Кабакова (датирована как «февраль 1942 г.») «О причинах, сделавших возможным контрреволюционное выступление заключенных на Печоре 24 января 1942 года» // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. В 13 т. Т. 7 / сост. и комментарии: М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2005. С. 194–195.
9. Там же. С. 194.
10. Север А. Лаврентий Берия. О чем молчало Совинформбюро. М., 2015. 410 с.
11. Полешиков В.М. За семью печатями: из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. 272 с.
12. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929–1960 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2009. 485 с.
13. Обвинительное заключение по следственному делу № 785 по обвинению А.И. Яшкина, Х.Г. Мурзакаева, В.Б. Субухангулова и других в количестве 68 человек от 30.07.1942 г. // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. В 13 т. Т. 7 / сост. и комментарии: М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2005. С. 197–182.
14. Там же. С. 181.
15. Комментарий М.Б. Рогачева // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. В 13 т. Т. 7 / сост. и комментарии: М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2005. С. 204–205.
16. Докладная записка заместителя наркома внутренних дел Коми АССР П.А. Корнилова на имя наркома внутренних дел республики С.И. Кабакова... С. 183.
17. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 42. Л. 40–41.
18. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 45. Л. 102–103.
19. Панин Д.М. Лубянка – Экибастуз: лагерные записки. М., 1990. 576 с.
20. Макеев С.Л. Первый решительный [Электронный ресурс] // Совершенно секретно. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/pervyy-reshitelnyy/> (дата обращения: 20.07.2020 г.).
21. Машкова Н.П., Машков А.О. Усинск: от рассвета до расцвета: историко-краеведческое обозрение. Сыктывкар, 2007. 702 с. ; Осипова И. Отряд особого назначения № 41 // Сопrotивление в ГУЛАГе. М., 1992. С. 132–141.
22. Иванова Г.М. Жизнь и борьба за колючей проволокой // История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002. С. 179–214.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна  
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна